

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ЦЕННОСТИ И ОЦЕНКИ В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ

Л.И. Богданова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru*

Аннотация: В статье обсуждается понятие культурной трансмиссии. Язык рассматривается в качестве одного из инструментов передачи ценностей от одного поколения другому. Работа выполнена на материале словарей и Национального корпуса русского языка. Исследование подтверждает существование кодов культуры, которые управляют языком и способами отражения действительности. Понимание значимости кодов культуры делает возможным формирование и развитие национально-культурной идентичности, что способствует реализации культурной трансмиссии. Особое внимание уделяется выявлению языковых зон концентрации культурных смыслов. В ходе исследования установлено, что внутренняя форма слова и оценочная лексика отражают большие возможности для установления скрытых от прямого наблюдения культурно-специфических смыслов. Значения слов, содержащих субъективный компонент значения, позволяют формулировать некоторые законы «наивной» этики. Употребление ряда слов с оценочной семантикой указывает на нравственные правила данного общества или обнаруживает их нарушение. В статье показано, как ценности получают отражение в формировании этностиля коммуникации. Работа в данном направлении выводит на изучение таких актуальных вопросов, как национально-культурная специфика оценочного компонента, способы его лексикографического представления, декодирование ценностных установок говорящего.

Ключевые слова: оценочная лексика; культурные ценности; оценка; наивная этика; культурная трансмиссия; код культуры

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Богданова Л.И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.

VALUES AND ESTIMATES IN CULTURAL TRANSMISSION

Liudmila I. Bogdanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, libogdanova1@mail.ru

Abstract: The article discusses the concept of cultural transmission. The language is considered as one of the tools for the transmission of values from one generation

to another. The work is based on the materials of dictionaries and the National Corpus of the Russian Language. The research confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes, which manage its language and perception schemes. Understanding the significance of cultural codes makes it possible to form and develop a national cultural identity, which contributes to the implementation of cultural transmission. Special attention is paid to identifying linguistic areas of concentration of cultural meanings. In the course of the study, it was found out that the internal form of the word and evaluative vocabulary open up great opportunities for establishing cultural-specific meanings hidden from direct observation. The meanings of words containing a subjective component allow us to formulate some laws of “naive” ethics. The use of words with evaluative semantics indicates the moral rules of the society or reveals their violation. The article also shows how values are reflected in the formation of the ethnic style of communication. This work is deeply connected with such topical questions as the national and cultural specificity of connotations, the means of their lexicographical representation, the decoding of speaker’s value system.

Key words: cultural values; evaluative vocabulary; naive ethics; internal form of the word; cultural transmission; culture code

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I. (2022) Values and estimates in cultural transmission. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)

Последнее время нередко обсуждается проблема дегуманизации современного общества. Процесс «расчеловечивания» нередко обеспечивается за счет технологии, описанной американским социологом Джозефом Овертоном. Суть технологии, получившей название «Окно Овертона», состоит в том, чтобы сделать нормальным и обыденным то, что до сих пор считалось неприемлемым или даже запретным с точки зрения человеческой морали¹. Пошаговое внедрение асоциальных явлений, антиценностей меняет отношение к традиционным ценностям, способствует их выхолащиванию и забвению. В этом контексте вопрос о сохранении и приумножении культурного наследия стоит особенно остро, а исследовательский интерес к проблемам трансляции культурных ценностей становится социально значимым. Систему передачи ценностей, традиций, социальных практик, идеалов и норм от одного поколения другому в процессе социализации личности принято обозначать термином культурная трансмиссия [Дубров, Татарко, 2016: 300]. В межпоко-

¹ Окно Овертона – технология легализации чего угодно. URL: www.SNEG5.com (дата обращения: 10.12.2021).

ленной культурной трансмиссии важную роль играет образование, которое должно «вырастать» из культуры. Ценность образования заключается в том, что оно является одним из надежных способов передать будущим поколениям идею человечности, составляющей глубинное ядро культуры, транслировать понимание смысла человеческой жизни. Идею ценностного подхода на данном этапе связывают с гуманистической парадигмой образования, для которой характерны принципы равенства, партнерства, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина, свободы, соразвития, единства.

Проблемы сохранения культурного наследия связаны с развитием идентичности, научное представление о которой было сформировано американским психологом Эриком Эриксоном. Согласно его учению, идентичность выступает не только фундаментом любой личности, но и является показателем ее психосоциального благополучия и жизненной успешности [Эриксон, 2006]. Идентичность базируется на одной из основных потребностей человека, которая состоит в способности взаимодействовать с окружающим миром, в возможности отождествлять себя с определенной культурой, идеями, ценностями, социальными группами. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, принятых в данном обществе, а также языка и ценностных ориентаций, данных ему, в том числе и через родной язык. Культурная идентичность формирует ценностное отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом. При утрате идентичности человек ощущает свою абсолютную чуждость другим людям, всему окружающему миру, что приводит к депрессии, маргинализации, асоциальному поведению.

Стандартизация процессов духовно-нравственного становления человеческой личности, характерная для современного мира, таит в себе опасность разрушения традиционного образа жизни, норм и правил, выработанных народами в течение их длительного периода развития. Утрата идентичности ведет к моральной деградации этноса. Альберт Швейцер писал, что «если человечество теряет этнические идеалы и ценности, возникает угроза для современного человека стать негуманным <...>, а негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [Швейцер, 1973: 15].

Согласно концепции Питирима Сорокина [Сорокин, 1992], всякая великая культура это не просто конгломерат различных явлений, а совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также совокупность самих носителей этих ценностей и норм, т.е. людей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры.

При формировании культурной идентичности, являющейся основной трансмиссии ценностей, опора на родной язык является обязательной. При обучении языку как хранителю культуры следует обратить внимания на достойный опыт прошлого. В этом плане показательны темы сочинений, которые предлагались гимназистам дореволюционной России в начале XX в.² Вот некоторые из них: *О высоком достоинстве человеческого слова и письма; О проявлении нравственного начала в истории; На чем основывается духовная связь между предками и потомками.* Особого внимания, как представляется, заслуживает тема: *Слово как источник счастья.* Такого рода темы способны активизировать мыслительную деятельность учащихся, они прививают интерес к Слову, интерес к Смыслу, интерес к самой идее трансляции духовных ценностей.

Слово, являясь самостоятельной ценностью, способно хранить и передавать ценности другим поколениям. Стыд, например, может сигнализировать о нарушении норм нравственности или установленных в обществе правил. Тем самым употребление слова *стыд* «обнаруживает эти нормы и правила» [Богданова, 2021: 110].

Язык, его лексическое богатство и грамматический строй аккумулируют опыт и транслируют ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира — зафиксированной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов — коллективную философию [Апресян, 1995: 39].

В связи с этим продуктивным понятием следует считать «код культуры». В философии культура в целом нередко рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт, как система исторически развивающихся «надбиологических программ» деятельности человека, его поведения, программ или кодов, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях [Стёпин, 2011: 43]. Таким образом, коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют ДНК — генетические коды. Аналогом генетических кодов в обществе, представляющем собой социальный организм, выступает культура. Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле рассматривается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, вы-

---

² Темы сочинений в царской гимназии. URL:www.proza-ru.turbopages.org (дата обращения: 20.11.2021).

работанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, Пименова, 2016: 3].

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций. Ценностные характеристики обнаруживают себя уже на уровне внутренней формы слова. Источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который может обладать «памятью» языковых значений. В целях повышения мотивации обучения следует обращать внимание учащихся даже на исчезающую внутреннюю форму. Например, слова *родина*, *народ*, *порода*, *урожай*, *родник* имеют общий исторический корень *род-*. Ср. *Я слово **родник** давно приметил...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода **зарождается**. **Родник родит** реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы **родня** между собой* (К.Г. Паустовский, НКРЯ³). Внутренняя форма слова нередко является составляющей заключенного в слове культурно-специфичного концепта. Так, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера⁴, слово *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об* — имеет значение ‘вокруг, огибая, минуя’: ср. *обнести* кого-то угощением, ‘пронести мимо, не дать’, *обделить*, *обвесить*. Слово *обидеть*, тем самым, имеет историческую внутреннюю форму ‘обделить взглядом, не посмотреть’. И, действительно, как показывает семантический анализ, именно недостаток внимания составляет основу возникновения того чувства, которое обозначается русским словом *обида*.

Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [Апресян, 1995: 351]. Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать*, *подсматривать*, *любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *насмехаться*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться*, *пресмыкаться*, *угодничать*), «нехорошо оценивать себя слишком высоко» (*хвастаться*, *хвалиться*, *зазнаваться*, *гордиться*). Предосудительный характер подобных действий раскрывается в речи чаще всего в диалогическом режиме: — *Нет, мы не хотим, чтобы ты подслушивал, — скандально сказала мама. — **Подслушивать нехорошо*** (Борис Минаев, *Детство Лёвы*, 2001); — *Как вам не **стыдно унижаться** перед нами?!*

³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1986.

(Юрий Вяземский, Шут, 1982); *Мне было жаль его, я несколько раз вмешивался и объяснял, что стыдно издеваться над человеком, который не в состоянии ответить* (Гайто Газданов, Ночные дороги, 1939); — *И это вам не стыдно хвастаться...?* (И.В. Оммулевский, 1877); — *А нехорошо гордиться перед стариком...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, 1891)⁵.

Исходя из сформулированных нравственных правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Однако ранжирование ценностей в разных культурах, отражающее степень их внутренней значимости, может быть разным.

Структура представлений об одном и том же явлении далеко не всегда совпадает у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль Мишеля Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [Фуко, 1994: 37]. При этом представители разных культур, не всегда осознавая несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, сразу замечают различия в оценке, которые могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне.

В качестве примера можно рассмотреть *прямоту* как человеческое качество. В рамках русской культуры *прямота* (в отличие от прямолинейности), *откровенность*, *искренность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется в одном из значений как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’⁶. Считается правильным выбирать себе прямую жизненную дорогу, смотреть прямо в глаза, быть прямым и нелицемерным, — все это оценивается положительно: *Испытующе посмотрев в глаза, сказал: «Мне нравятся прямые люди, как вы»* (Олег Фаличев, 2003); *Очень хорошо отзывался о Соболеве: и талантлив, и с нами сработался, прямой человек* (Евгений Велтистов, 1975). Положительную оценку прямоты как человеческого качества подтверждают многочисленные примеры из НКРЯ, в которых *прямой* синтагматически связан с такими положительными качествами, как *честный, благородный, смелый*: *[он] не был ни либералом, ни реакционером, а был — честный, благородный, прямой человек* (С.Ю. Витте, Воспоминания, 1911); *Это был честный художник, смелый и прямой человек, мужественно*

⁵ Здесь и далее примеры из НКРЯ.

⁶ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

перенесший все трудности... (Владлен Давыдов, Театр моей мечты, 2004). Прямота как положительное качество противопоставляется лживости, лицемерию и фальши: *Я знал, что Н.К. Гудзий очень прямой человек и никогда не станет лицемерить* (Д.С. Лихачев, Воспоминания, 1995).

Пространственный код русской культуры реализуется в ценностном плане и с помощью преимущественно положительной оценки параметра *широкий*, характеризующего не только русские просторы, но и состояние души. Быть «широким» (*иметь широкую душу, жить на широкую ногу, иметь широкие взгляды* и т.п.) с позиций русской культуры оценивается высоко, *широкий человек* — это хороший человек: *Романтическая особа. Широкий человек! Шикарный человек!* (Вадим Месяц, Лечение электричеством, 2002); *Она очень щедрый и широкий человек. У нее безукоризненный вкус...* (Г.Д. Катанян, Азорские острова, 1955–1990);... *Люилье был не только умница, но и широкий человек...* (М.А. Булгаков, Жизнь господина де Мольера, 1933); — *Вы — такой талантливый, чуткий, широкий человек...* (А.И. Куприн, Поединок, 1905). Широта натуры осознается в русском культурном пространстве как национально-специфическое качество, что проявляется в устойчивом словосочетании *русская широта*: *Такая вдруг в нем Русь, русская широта* (Людмила Гурченко, Аплодисменты, 1994–2003); *Каким-то чудом в ней сохранялись красота, русская широта натуры и неизъяснимая жесткость* (Виталий Вульф, Судьба Ольги Чеховой, 1998).

Некоторые русские качества (*русская прямота, русская широта, русская открытость, русское терпение* и др.), если их фиксирует «взгляд извне», со стороны могут выглядеть далеко не всегда привлекательно. Представители других культур могут расценивать, например, прямоту как грубость и бесцеремонность, а широту — как нерациональность и непрактичность. Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодцука; мал, да удал* (поговорка). Однако, как отмечал Н.С. Трубецкой, целый ряд качеств и черт, которые русский народ в себе особенно ценит (в том числе и удаль), «не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике», что дает основание Н.С. Трубецкому сделать следующий вывод: «...наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но тем не менее совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [Трубецкой, 1921: 102].

Культурные коды проявляют себя в «развертывании» метафорических концептов. Метафора, содержащая огромное количество

информации в «сжатом» виде, является одним из скрытых способов воздействия на бессознательное. Ряд культурных концептов в их языковом отражении имеет много сходных черт в разных культурах. Понимание сходства разных культур так же, как и выяснение различий, помогает в формировании культурной идентичности. Примечательно, что языковое воплощение «Книги», важного элемента духовной культуры, объединяет многие культуры: *книга* может быть и метафорой жизни человека (*жизнь как интересная книга*), и метафорой самого человека, автора (*подойти к кульминации своей жизни*), и читателя (*прочитать человека как книгу*). Метафорический концепт «Жизнь — это Книга» способен к детальному развертыванию: *закончилась одна глава, будет следующая; нужно перевернуть страницу; листая страницы жизни...* В поэзии Бориса Пастернака эта метафора реализована следующим образом: *И надо оставлять пробелы / В судьбе, а не среди бумаг, / Места и главы жизни целой / Отчеркивая на полях* (Борис Пастернак, Быть знаменитым некрасиво, 1956).

Для понимания культурного кода важно видеть степень значимости той или иной ценности среди других ценностей. Так, в русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер: ср. *Не родись красивой, а родись счастливой; С лица воду не пить* и др. Как показали специальные исследования, в китайской картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *mei* 'красота' и *hao* 'добродетель' синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В представлении китайцев, для которых в определенной степени свойственно соединение интеллектуального и эмоционального начал, человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности — совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. Но, с другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. «Оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку — эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [Тань Аошуань, 2004: 187–188]. Именно поэтому в буквальном переводе *красивым* может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но *красивой* может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира *красота* лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т.е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Культурные коды пронизывают не только лексику, но и находят отражение в грамматическом строе языка. В этом убеждает, в частности, анализ актантной структуры русских глаголов, который по-

казал, что «коллективистский характер русской культуры, высокий уровень вертикальной дистанции косвенным образом преломляются в концептуализации межличностных отношений, включающих оценочный компонент, что находит отражение в способе обозначения актантных позиций при данных глаголах» [Богданова, 2019: 9]. Таким образом, «статусность» русской культуры косвенным образом находит отражение и в грамматической оформленности актантов, и в синтагматических связях лексических единиц, что подтверждает тезис о способности грамматики отражать культурные ценности.

В коммуникативном поведении также можно заметить реализацию культурных кодов. Наглядное представление о том, что наша повседневная реальность пронизана культурными кодами, дает, в частности, анализ фрагментов современной повседневной коммуникации. Сравним две используемые в эпоху пандемии речевые формулы, призывающие носить маски: 1) *Спасибо, что вы носите маску*; 2) *Надень уж ты эту маску!* Такие призывы можно встретить, например, при входе в московские рестораны. Первая формула явно заимствованная. Здесь нет грамматических показателей побуждения к действию, не очевиден образ адресата, на которого пытаются воздействовать, сведена к минимуму эмоциональность воздействия, которое имеет лишь констатирующий характер. Вторая речевая формула оформлена в виде императива. Для русской лингвокультуры это привычный, традиционный и далеко не грубый способ воздействия на адресата. Адресат представлен как близкий человек, который все может понять. Интимизация, эмоциональность побуждения, доверительность обращения достигаются за счет обращения на «ты», инверсии, введения местоимений и частиц. За таким побуждением скрывается потенциальный предтекст: *«Мы понимаем, что тебе надоели маски, нам и самим они порядком надоели, но войди в положение: без этого мы не можем работать, будь другом, надень маску!»* Именно такой способ воздействия, связанный с дружеским общением, наиболее полно соответствует русскому культурному коду.

В современном меняющемся мире ценностное содержание, которое осознается молодыми людьми как препятствие на пути к успеху и самореализации, нередко приводит к «угасанию» ряда традиционных русских социокультурных ценностей (*скромность, кротость, совесть, стыд* и др.).

Утрата актуальности той или иной ценности может иметь в языке такие последствия:

а) снижение частотности употребления; б) «размывание значения», которое приводит к затруднениям при определении значения слова; в) девальвация ценности и ценностного противопоставления,

что ведет к смене оценочного знака ценности и даже превращению ее в антиценность; г) постепенная трансформация всей системы ценностей.

Рассматривая культуру как сложную структуру, Питирим Сорокин отмечал, что изменение одних элементов культуры с неизбежностью повлечет за собой изменение других ее частей [Сорокин, 1992: 449]. Как недуг общества он рассматривал возрастающую отстраненность человека от культурных и моральных ценностей, внутреннюю и духовную бессвязность. Именно поэтому ситуации, приводящие к слому тех или иных ценностных ориентиров, представляют собой социокультурную угрозу.

Язык, как известно, передает человеку знание ценностей, норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» его носителей. При этом транслятором знаний о мире могут быть скрытые смыслы, извлекаемые из оценочной лексики и грамматических конструкций. Оценочно-ценностные значения формируют субъективный компонент семантики слова. Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении культурной трансмиссии.

Продолжение работы в данном направлении позволит рассмотреть критерии выявления национально-культурной специфики ценностей и возможные пути сохранения и трансляции культурных ценностей, отраженных в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: Избр. труды: В 2 т. Т. 2. М., 1995.
2. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
3. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в структуре глаголов 'стыда' // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
4. *Дубров Д.И., Татарко А.Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 2. Т. 13. С. 299–309.
5. *Маслова В.А., Пименова М.В.* Коды лингвокультуры. М., 2016.
6. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
7. *Стёпин В.С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 408.
8. *Тань Аошун.* Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность. М., 2004.
9. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. София, 1921. С. 86–103.
10. *Фуко М.* Слова и вещи. СПб., 1994.
11. *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
12. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. 1995. *Integral'noye opisanie yazyka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. V. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystvij [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I. 2021. Otsenki I tsnnosti v structure glagolov 'styda' [Estimates and values in the structure of verbs with the meaning of 'shame'] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 106–116. (In Russ.)
4. Dubrov D.I., Tatarko A.N. 2016. Mezhpokolennaya transmissiya tsnnostey v gorodskoy I sel'skoy srede [Intergenerational transmission of values in the urban and rural environment]. *Psychology. HSE Journal*, v. 13, no. 2, pp. 299–309. (In Russ.)
5. Maslova V.A., Pimenova M.V. 2016. *Kody lingvokul'tury* [Linguistic culture codes]. Moscow, FLINTA. Nauka. (In Russ.)
6. Sorokin P.A. 1992. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo*. [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat. (In Russ.)
7. Stepin V.S. 2011. *Tsvilizatsiya I kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGU. (In Russ.)
8. Tan Aoshuang. 2004. *Kitayskaya kartina mira. Yazyk. Kul'tura. Mental'nost'* [Chinese picture of the world. Language. Culture. Mentality]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
9. Trubetskoy N.S. 1921. Verkhi I nizy russkoj kul'tury (Etnicheskaya osnova russkoj kul'tury) [Tops and bottoms of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)]. *In Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya I sversheniya* [Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments]. Sofia, Russian-Bulgarian publishing house, pp. 86–103. (In Russ.)
10. Foucault M. 1994. *Slova I veshchi* [Words and things]. St. Petersburg, A-cad. (In Russ.)
11. Schweitzer A. 1973. *Kul'tura I etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress. (In Russ.)
12. Erickson E. 2006. *Identichnost': yunost' I krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Flinta. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 22.12.2021

The article was submitted 31.10.2021;
approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 22.12.2021

ОБ АВТОРЕ

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносов; libogdanova1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila I. Bogdanova — Dr.habil in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru